

Кроме этих замечаний нельзя не обратить внимания и на частные вопросы, возникающие при чтении рецензируемой книги. Начиная свое изложение, А. В. Арциховский останавливается на проблемах истории земли и на вопросах оледенения. Затем он возвращается к ледниковому периоду при описании мустьерской эпохи. В дальнейшем он уже не касается климатических изменений. Нет упоминания о вюрмской стадии ледника, нет ничего о климатических изменениях, связанных с Балтикой, совершенно не упоминается ксеротермический период, сыгравший большую роль в истории бронзового века Восточной Европы. При описании неолита СССР А. В. Арциховский правильно говорит о поздней дате многих стоянок лесной полосы Восточной Европы, отмечая находки на них бронзы. Но в дальнейшем анализирует материалы этих стоянок только как чисто неолитические.

В лекциях о неолите А. В. Арциховский справедливо не один раз говорит о челне, но в дальнейшем водный транспорт перестает его интересовать. Остается совершенно не освещенным кораблестроение в античности и средневековье, хотя для этого имеется большое количество даже вещественных остатков. То же можно сказать и о конном транспорте. Нет истории седла и удил даже у скифов. Важнейшее достижение древности—колесный экипаж—обходится молчанием. Между тем здесь много новых материалов. Не говоря уже об античном мире, большое значение имеют, например, такие факты, как находка сплошных деревянных колес в кургане «Три брата» конца бронзового века в Калмыкии или наличие колеса со спицами в Латене Англии (Гластонбери) и т. п.

Нельзя также не высказать пожелания, чтобы при дальнейшей работе над курсом А. В. Арциховский подробнее и четче осветил особенности скифского звериного стиля и больше места уделил сарматским и особенно позднесарматским древностям.

Наконец, две небольшие поправки. Кромлех Стонехендж никто не считал ристалищем. Последнее действительно входит в комплекс различных сооружений, окружающих кромлех, но представляет собой особую площадку значительной величины и характерной овальной формы. Неправильно также сообщение, что найденные в Фанагории остатки росписи античного дома являются в СССР единственными. Еще в 1899 г. в доме на Митридате были открыты росписи стен; их прекрасную красочную реставрацию можно видеть на XXXVIII таблице «Античной декоративной живописи».

В целом следует признать опыт, проделанный в рецензируемой книге, удачным, совершенно по-новому поставившим преподавание археологии среди других исторических дисциплин. Нам остается пожелать автору успеха в дальнейшей работе над своим курсом и издания его вновь уже с иллюстрациями, отсутствие которых является пока главным недостатком его ценной работы, так необходимой нашим вузам, музеям, археологам, историкам и краеведам.

С. Киселев

«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры». М.—Л., 1939, вып. I, II и М.—Л., 1940, вып. III, изд-во АН СССР

В 1935 г. прекратилось издание археологических работ в ГАИМК, вскоре реорганизованной в ИИМК АН СССР. В 1937 г. вышел последний (IV) выпуск «Советской археологии», издававшейся Институтом этнографии АН СССР. Археологи потеряли возможность не только печатать свои исследования, не только обсуждать их важнейшие результаты, но даже иметь столь необходимую в нашей науке информацию о текущих работах и новых открытиях экспедиций. Можно прямо сказать, что за исключением отдела хроники «Вестника древней истории» работа археологов РСФСР не имела за последние годы никакого печатного отражения.

После трехлетнего перерыва впервые появляются рецензируемые три выпуска «Кратких сообщений» ИИМК АН СССР. Даже в своей первоначальной форме простого информационного бюллетеня они несомненно принесли большую пользу.

Насыщенность их материалом так велика, что подробная оценка его могла бы быть предметом специальной работы, а не рецензии. Приходится отметить только основное и высказать ряд пожеланий, которые должны помочь новому, столь нужному изданию.

Первый выпуск «Кратких сообщений» содержит краткую информацию о 38 археологических экспедициях, которые велись ИИМК в 1938 г., часто совместно с другими учреждениями СССР. Отметим лишь самые основные результаты. В области изучения палеолита прежде всего необходимо выделить первую для Советской Азии находку в пещере около гор. Байсуна в Узбекистане мустьерской стоянки и погребения неандертальского мальчика (Окладников). Следует также отметить находку Воеводским на Десне первой столь северной в восточной Европе мустьерской стоянки. Важнейшим является открытие палеолитических стоянок около Перми и на Южном Урале. Впервые палеолитические поселения констатированы к востоку от Волги. Особый интерес представляют исследованные О. Н. Бадером около Мелитополя наскальные изображения. В их группе, которую исследователь относит к палеолитической и которая тем самым является первой находкой этого рода в СССР, обращает на себя внимание изображение мамонта.

Неолит и бронза исследовались в самых различных районах страны от Карелии (известный Оленеостровский могильник) до Закавказья и Сибири, где обращают на себя внимание интереснейшие работы по древним разработкам золота и меди в Казахстане. Средняя Азия впервые исследовалась во всех важнейших районах. Особо нужно отметить здесь успехи Хорезмской экспедиции С. П. Толстова, открывшей науке скрытую в пустыне Кызыл-Кум домусульманскую цивилизацию Хорезмского оазиса (см. ВДИ, 1939, № 3). Раскопки греческих городов Причерноморья велись в Крыму (Нимфей, Тиритака, Мирмекий) и в Фанагории на Тамани. Среди ряда экспедиций, работавших по вопросам древней Руси, нужно отметить постановку работ на Ворскле в Харьковщине, давшую материал по дофеодалному периоду Руси, и открытие Арциховским в Новгороде водопровода, канализации и мостовых XI—XII вв., свидетельствующих о более высоком уровне «коммунальной» культуры в древней Руси, чем во многих странах Западной Европы.

Первый выпуск «Кратких сообщений» открывается информацией о традиционном пленуме ИИМК памяти Н. Я. Марра.

Среди докладов, сделанных на этом пленуме, обращает на себя внимание доклад С. П. Толстова «Хорезмийский всадник», в котором была развернута широкая картина домусульманской цивилизации Хорезма, установлена ее связь с Кушанским царством и резкое ее отличие от сасанидского Ирана. Большой интерес также представляет доклад М. К. Каргера «Дофеодалный период в истории Киева по археологическим данным», объединивший весь добытый по этому вопросу материал и устанавливающий автохтонность славянской культуры на киевской территории, с древнейших времен занятой земледельческим населением.

Основным недостатком первого выпуска, так же как и всех последующих, является необычайная скудость иллюстраций.

Второй выпуск «Кратких сообщений» информирует о докладах, читанных в ИИМК в первой половине 1939 г.

В области изучения палеолита центром внимания по понятным причинам оказываются доклад Окладникова о мустьерской стоянке в пещере Тешик-Таш на юге Узбекистана и сообщение Дебца о результатах предварительного изучения черепа ребенка из Тешик-Таша. Весьма интересна опубликованная здесь скульптурная реконструкция бюста ребенка из Тешик-Таша, выполненная М. Н. Герасимовым. Важный вопрос соотношения пережиточно неолитических и бронзовых культур в Верхнем Поволжье поднимает доклад Бадера, утверждающего наличие на этой территории двух групп племен с различным хозяйством. С одной стороны, это были обитатели поздненеолитических стоянок, а с другой — люди, оставившие фатьяновские могильники. Если дальнейшие исследования оправдают теорию Бадера, будет разъяснен один из самых запутанных вопросов истории лесной зоны европейской части СССР.

Из ряда докладов, посвященных памятникам бронзы, невольно прежде всего обращаешь внимание на «Проблему датировки больших Кубанских курганов» Деген-Ковалевского—слишком она важна для понимания бронзового века нашего юга. Но здесь приходится испытать разочарование. Информация построена так, как будто Деген-Ковалевский задался специальной целью выставить свое исследование с самой неубедительной стороны. В самом деле, сообщив о различных датировках Майкопского кургана на разных этапах его изучения, докладчик половину информации посвятил своей датировке Майкопа предскифской эпохой, обосновывая ее простым несоответствием сравнительно высокой культуры Майкопа низкому уровню развития населения Северного Кавказа на рубеже III—II тысячелетия до н. э. (время, которым датируют Большие Кубанские курганы большинство археологов). Этот чисто формальный домысел выставлен как основной. Его подкрепляет весьма неубедительное разыскание о якобы «разительно» скифских особенностях в инвентаре и обрядовости больших курганов. Если поверить докладчику, то такие специалисты по скифским памятникам, как Ростовцев и Фармаковский (не говоря уже о других), не подметившие скифских черт в Майкопе, окажутся невеждами. Но это слишком смелое утверждение. К сожалению, свою позитивную аргументацию, которая покоилась бы на конкретном анализе, Деген-Ковалевский дал в общих ссылках на раскопки в Закавказье и Передней Азии XII—VII вв. до н. э., не указав даже предметов, которые сопоставляются. Это только усилило недоверие к его выводам. Способ построения резюме создает впечатление, что докладчик стремился просто подогнать Большие Кубанские курганы под свою отвлеченно-социологическую схему, не имея на это достаточных оснований. Особенно сомнительным становится утверждение Деген-Ковалевского в свете раскопок проф. Куфтина в Цалке (Грузия), где открыта культура первой половины II тысячелетия до н. э., имеющая очень много совпадений с Майкопом. Приходится только пожалеть, что опубликованием своего небрежно составленного резюме Деген-Ковалевский достиг цели, обратной той, которую ставил: не разъяснил, а запутал вопрос о дате Больших Кубанских курганов. |

Нельзя пройти мимо описанных в докладе Прокошева жилищ, открытых им на Астраханцевской стоянке в Прикамье (II тысячелетие до н. э.). Они представляют собой четырехугольные полуземлянки, соединенные в длинный ряд коридорами. Повидимому, и здесь, на Востоке, перед нами система жилища, заставляющая вспомнить «длинные дома».

Очень важный вопрос ставится, но пока, к сожалению, не получает ясного разрешения в докладе «Памятники I тысячелетия н. э. на территории Волхово-Мстинского района». Докладчик Гроздилов считает возможным говорить о связи позднедьяковских городищ и длинных курганов, а также круглых курганов с коллективными захоронениями. Этим нащупывается на Севере подоснова этногонии населения древней Руси совершенно так же, как это имеет место по вопросу о городищах более южных районов, например, калужских. Теснейшим образом к этой проблеме примыкает и доклад Третьякова «Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза». В первой части доклада указывается, что основные славянские племена севера—славяне, кривичи и вятичи—могут быть локализованы по распространению трех видов курганов—новгородских сопок, кривических «длинных курганов» и вятических курганов с трупосожжением в деревянном срубе. Более южные из восточнославянских племен представлены памятниками, имеющими генетическую связь с культурой скифо-сарматского Приднепровья. В связи с этим докладчик считает возможным утверждать большую примитивность северных племен, культура которых, однако, имела глубокие местные корни.

В заключение обзора резюме докладов нельзя не остановиться на сообщении Воронина «О дворце Андрея в Боголюбове». Подытоживая свои исследования 1934—1938 гг., докладчик нарисовал величественную реконструкцию замка Андрея Боголюбского. Центральным сооружением дворцового ансамбля был собор, от которого к югу и северу шли белокаменные аркады переходов, связывавшие его с дворцом и замковой башней. Все здания были отделаны резьбой и ажурной золоченой медью. Двор был выложен

плитами с водостоками. Перед собором стоял восьмиколонный киворий романского стиля. Открытый замок Андрея Боголюбского не уступает лучшим образцам романского зодчества XI—XII вв.

В несколько необычной форме преподнесено в конце II выпуска изображение мамонта, открытое экспедицией Антропологического института МГУ и Института археологии АН УССР под руководством О. Н. Бадера, около Мелитополя. Вместо детальной информации исследователя перед нами воспроизведение его материалов под предлогом полемики, которую автор заметки Б. Ф. Земляков ведет, считая мамонта не мамонтом, а быком. Нельзя не пожалеть, что редакция «Кратких сообщений» сочла возможным вместо надежного издания выдающегося памятника (с воспроизведением его эстампажа) начать с дискуссии, основанной на рисунках-набросках случайного полемиста.

Второй выпуск заканчивается информацией Т. С. Пассек об итогах научной конференции Института археологии АН УССР, посвященной изучению Трипольской культуры. Наглядно показана огромная работа, проделанная на Украине по Триполью, этому узловому вопросу древней истории нашего Юга.

Третий выпуск «Кратких сообщений» откликается на величайшее событие наших дней—освобождение доблестной Красной Армией братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии от панского ига. Здесь напечатаны работы, посвященные памятникам древней культуры освобожденных областей, прочитанные сотрудниками ИИМК на специальном пленуме.

Работа Е. Ю. Кричевского «Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы» показывает всю несостоятельность формалистической археологии панской Польши, адепты которой все изменения в облике материальной культуры могли объяснить исключительно бесконечными сменами населения. Между тем, Е. Ю. Кричевский убедительно показывает, что развитие на основе древней «культуры ленточной керамики» в более южных областях трипольских поселений, а в северо-западных районах Украины своеобразных культур «радиальной керамики» и т. п. происходило на основе местных изменений в хозяйстве и быте племен. В свою очередь постепенное изживание трипольских особенностей и характерных черт культуры радиальной керамики и распространение в бронзовом веке новых форм, для которых характерна шнуровая керамика, шаровидные амфоры и пр., также не являются результатом нового передвижения населения, но вызывается важнейшими изменениями всех сторон культуры аборигенных племен в связи с переходом к преимущественно скотоводческому хозяйству. Так в эпоху бронзы создается значительное культурное единство всей Украины к западу от Днепра.

Две другие работы посвящены древнерусской архитектуре Западной Украины. Выясняя ее связи с архитектурой остальной Руси, авторы приходят, однако, к противоречивым заключениям. Каргер склонен видеть в зодчестве Галицко-Волынской земли проводник западнороманских течений, распространившихся отсюда по остальной Руси и нашедших себе особо благоприятную почву во Владимиро-Суздальской земле. Воронин считает, что так наз. романские элементы уже имеются в Киеве, но только в связи с разработкой нового типа храма феодальных гнезд XII—XIII вв. получают широкое распространение как на Волыни, так и во Владимиро-Суздальской Руси. Что же касается известного строительства церквей с западническими особенностями в половине XIII в. в Холмщине, то Воронин ставит его в связь с приходом туда многочисленных мастеров из восточной Руси после татарского разгрома. Исходя из этой точки зрения, Воронин видит в галицко-волынском зодчестве искусство, теснейшим образом связанное с развитием архитектуры всей древней Руси XII—XIII вв.

Выдающийся интерес представляет помещенный в III выпуске «Кратких сообщений» доклад Б. Б. Пиотровского «Урарту и Закавказье». Докладчик, мобилизуя письменные и вещевые источники, стремится доказать сравнительно позднее включение южного Закавказья в границы Урартского государства, ограниченность урартской экспансии и культурную обособленность Закавказья от Урарту. Последнее еще нуждается в проверке. Вместе с тем, именно урартской экспансии докладчик приписывает «большую роль в усилении процесса классового образования в первобытном Закавказье»

и в установлении его культурных связей с Востоком. Нам кажется, что в последних своих утверждениях Б. Б. Пиотровский чересчур переоценивает исключительность культурно-исторической роли урартской экспансии. Материалы эларского этапа, в особенности результаты раскопок в Цалке, показывают гораздо более древние связи с культурами классического Востока. Эти области представляются своеобразной периферией древнего Востока, участвующей в развитии его культуры.

В разделе сообщений о полевых исследованиях 1939 г. вместе с информацией об открытии бронзовых рельефов и золотой посуды в Хакассии, уже освещавшемся в ВДИ, помещена статья Бибикова о его работах 1939 г. по исследованию палеолитических стоянок на южном Урале. Третий выпуск «Кратких сообщений» завершается детальной информацией о III конференции по изучению палеолита, работавшей в мае 1939 г. в Киеве. Как и предыдущие конференции, она отличалась богатством обсужденных тем и демонстрированных памятников. Особо следует отметить блестяще проведенную экскурсию конференции по палеолитическим стоянкам, исследовавшимся экспедицией Воеводского на Десне. Здесь впервые в широком масштабе была осуществлена совместная работа археологов и геологов, давшая прекрасные результаты.

Мы смогли здесь коснуться лишь части материалов, помещенных в «Кратких сообщениях» ИИМК. Однако и этого достаточно для того, чтобы стало ясно большое значение для археологии СССР рецензируемого издания. Остается лишь пожелать регулярного выхода следующих выпусков, но вместе с тем подчеркнуть, что они не замечают археологического журнала, необходимость которого более чем остра.

С. Киселев

В. Д. БЛАВАТСКИЙ, Архитектура античного мира, изд. Всесоюзной Академии архитектуры, Москва, 1939. «Популярная библиотека по архитектуре»

Только что вышедшая из печати книга В. Д. Блаватского «Архитектура античного мира» принадлежит к серии популярных книг, издаваемых Академией архитектуры. Автор удачно справился с поставленной ему издательством задачей: при краткости текста (4 печ. листа) ему удалось дать в ясном, простом изложении полное и конкретное представление об античной архитектуре, ее возникновении и развитии, об основных особенностях архитектуры эгейской, греческой, этрусской и римской, при этом описаны все наиболее значительные постройки. Книга читается легко и с интересом, все описываемые сооружения воспроизводятся рядом с текстом. В книге использованы и даже впервые опубликованы в общей работе новейшие данные о происхождении греческого храма и открытиях в Дреросе, введено описание ряда важных построек, которые обычно в общих работах отсутствуют, как, например, храм Артемиды Ортии, бульвартерий в Милете и др. Очень хорошо изложено возникновение дорийского ордера и описаны ордера не только греческие, но и римские. Серьезное внимание уделено материалу и конструктивным приемам греческой и римской архитектуры, тесно связанным с формой, со стилем построек; подобные анализы совершенно отсутствуют в общих работах по архитектуре. В этом отношении книга будет интересна не только для широкого круга читателей, впервые приступающих к изучению архитектуры, но и для студентов вузов.

Нужно приветствовать включение в историю античной архитектуры построек, открытых на юге СССР (полигональная кладка и дом в Ольвии, рустованная стена в Фанагории, крепостные стены Ольвии и Херсонеса, термы Харакса, склепы Пантикапея, храм в Гарни), ибо они составляют весьма важный и своеобразный раздел античной архитектуры и до сих пор остаются за бортом общей истории искусства.

Все же автору должно сделать несколько замечаний. При описании гробницы Атрея (стр. 15) отсутствует объяснение, что такое ложный свод, оно сделано во второй части книги по поводу этрусского искусства.